

ТВОРЧЕСТВО ФРИДРИХА НИЦШЕ В ОЦЕНКЕ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

А. И. Белкин, кандидат исторических наук

Говорить и писать о Ницше трудно, читать его отстраненно невозможно. Ницше затягивает. С ним можно не соглашаться, даже не принимать его. Но отвергая что-либо в Ницше, нельзя отринуть самое существенное в его жизни и творчестве — чистоту, бескомпромиссность, искренность, желание идти до конца, до предела. Путь Ницше — это путь к пределу, и не случайно, что, работая на пределе человеческих сил и возможностей, он дошел до этой опасной черты: десять лет безумия в конце жизни.

Пожалуй, никому не удалось взбудоражить русскую философию так, как это сделал Ф. Ницше. Споры о нем велись преимущественно в религиозной области. Однако затем постепенно внутри религиозно ориентированной дискуссии стало формироваться и оригинальное собственное научное гуманитарное направление, методика которого генетически увязывалась в том числе и с идеями Ницше.

Представленный в данной статье обзор оценок Ницше русскими философами носит, конечно, субъективный и, в некотором смысле, искусственный характер, поскольку составлен без соблюдения хронологических и контекстуальных границ. Тем не менее эти оценки, на наш взгляд, довольно полно отражают отношение русских философов к Ницше и показывают влияние его идей на развитие отечественной философии.

Начнем с Андрея Белого. Касаясь творчества Ницше, он говорил, что бессмысленно, ха-

рактеризуя его идеи, повторять общие места об индивидуализме, аморализме, морализме, а также оживлять в памяти прочие «измы». Обычно, считал Андрей Белый, Ницше не слушают, «читая, не читают». А между тем, пытаясь понять Ницше, надо признать, что весь он — противоречие. Поэтому надо вскрыть основу этих противоречий. Сам Андрей Белый признавал, что это сделать довольно трудно.

К рассмотрению и анализу этих противоречий более глубоко подошел другой русский философ, Алексей Федорович Лосев. По его мнению, наступившая в XIX в. эпоха расцвета классической филологии была по преимуществу эпохой, отстранявшей себя от всякого обобщенного взгляда на античность. Под влиянием ограниченных и узких философских теорий ученые хотели всецело погрузиться в собирание и коллекционирование фактов. Ницше, будучи сам академическим филологом, прорвал наконец плотину и дал удивительную концепцию античности, оплодотворившую детальные филологические изыскания. Университетская наука не замедлила открыть огонь по гениальной интуиции Ницше.

Свое замечательное учение Ницше выразил в книге «Рождение трагедии из духа музыки». Здесь он видит два основных начала, формирующих эллинский дух, — *аполлинизм* и *дионисийство*. Аполлон — бог всех сил, творящих образами. Аполлинизм — это полное чувство меры, самоограничения, свобода от диких порывов, мудрый покой бога-творца образов. Как

© А. И. Белкин, 2007

один из видов этого чувства меры Аполлону свойствен «принцип индивидуализации». Религия Диониса противоположна аполлинизму. Вместо успокоительной стройности и мерности аполлинийских созерцаний здесь мы находим сомнение в них. «Чудовищный ужас, который охватывает человека, когда он усомнится в формах познаваемых явлений, — писал Ницше, — характерен для дионисических состояний. Но вслед за этим дионисизм теряет и то отъединение, которое существует между человеком и окружающим его миром. Человек тут переживает восторг и блаженство самозабвения и выхода из размеренного и узаконенного мира, когда наступает нарушение “принципа индивидуализации”. ...Просыпаются те дионисические чувствования, в подъеме которых субъективное исчезает до полного самозабвения... Бывают люди, которые от недостаточной опытности или вследствие своей тупости с насмешкой или сожалением отворачиваются, в сознании своего собственного здоровья, от подобных явлений, считая их “народными болезнями”; /но/ ...они и не подозревают, какая трупья бледность лежит на этом пресловутом здоровье, как прозрачно оно выглядит, когда мимо него вихрем пронесется пламенная жизнь дионисических безумцев. Теперь раб — свободный человек, теперь разбиты все неподвижные и враждебные границы, установленные между людьми нуждой, произволом и дерзкой модой. В песне и пляске являет себя человек сочленом высокой общины; он научился ходить и говорить и готов в пляске взлететь в воздушные выси... в человеке звучит нечто надприродное; он чувствует себя богом... Человек уже больше не художник, он сам стал художественным произведением» [5, с. 54 — 56].

Греческий дух есть эти две стихии, их борьба и их соединение. Гомер — преобладание Аполлона. С Архилоха начинается более самостоятельная дионисийская стихия; тут основа органического сращения начал аполлинийского и дионисийского. Наивысший же синтез дионисийства и аполлинизма содержится в аттической трагедии. Трагедия возникает как аполлинийское зацветание дионисийского экстаза и музыки. Дионис не может существовать без Аполлона. «На основании всего нами познанного, — пишет Ницше, — мы должны представлять себе греческую трагедию как дионисий-

ский хор, который... разряжается аполлоновским миром образов» [5, с. 97].

Однако, считал А. Ф. Лосев, есть одна сторона в концепции Ницше, которая делает ее слишком современной нам и слишком модернизирующей древность. Аполлон и Дионис у Ницше несут на себе печать новоевропейского мироощущения, от которой их, правда, легко можно освободить. Их природа существенно романтическая. Тут слишком много нервов, энергии, воли, слишком много блужданий, исканий, безысходной тоски, напряжения, неопределенности. Античность же спокойнее, непрерывнее, сосредоточеннее, телеснее, ограниченнее. Надо понять Диониса и Аполлона «классически», а не романтически — и тогда завоевание Ницше станет на совершенно твердую почву. «Останется, — пишет А. Ф. Лосев, — вся характеристика Аполлона и Диониса, но сразу переменится культурно-исторический коэффициент» [3].

Продолжая рассматривать античную тему в творчестве Ф. Ницше, русский поэт и теоретик символизма Вячеслав Иванов отмечал, что эллинская душа нашла самое себя только с обретением Диониса. Дионисийство одно дало эллинизму то, что впервые сделало его эллинизмом — маску. Прежде маски возлагались на лица усопших и оберегали их облик в царстве теней. Дионис живых научил надевать маски и терять свой облик. Тогда мир был понят как драма превращений. Именно в понимании мира как «драмы превращений» заложены основы той идеологии, из которой впоследствии вырастает христианское вероучение. Тогда политизм в принципе уже был преодолен: божество осознано как многоликое единство. Непосредственно доступна и близка нам мистика дионисова богопочитания. Она вмещает Диониса-жертву, Диониса воскресшего, Диониса-утешителя.

Ницше возвратил миру Диониса и отшатнулся от него. Ницше почти не разглядел в нем бога, претерпевающего страдание. И только в пору уже наступающего своего душевного омрачения, как пишет Вяч. Иванов, Ницше прозрел в Дионисе бога страдающего вне и вопреки всей связи своего законченного и проповеданного учения. В одном письме он называет себя «распятым Дионисом». Это запоздалое и нечаянное признание родства между дионисийством и христианством.

Ницше думал, что религия возникла из не-правой объективации всего лучшего и сильнейшего, что почувствовал и осознал в себе человек. «Неправой объективацией», или «неправым безумствованием» он считал состояние, когда душа не истекает наружу, не творит, но не может и выдержать заключенной, запертой в ней силы. Она разбивается; конечное безумствование — ее единственная участь. Это принципиальное отрицание религиозного творчества замкнуло его душу в себе самой и разрушило ее. Напрасно он прибегал к последней, казавшейся ему возможной объективации своего «Я» в Сверхчеловеке: его Сверхчеловек — только сверхсубъект. В учении о «Сверхчеловеке», преподанном из уст «дионисийского» Заратустры, роковая двойственность в отношении Ницше к Дионису созревает до кризиса и разрушается определенным поворотом к антидионисийскому полюсу, завершающемся конечной выработкой учения о «воле к могуществу». Ничто не может быть более противным дионисийскому духу, как выведение порыва к сверхчеловеческому из воли к могуществу: дионисийское могущество чудесно и безлично — могущество, по Ницше, механистически-вещественно и эгоистически-насилъственно. «Трагическая вина Ницше в том, — считает Вячеслав Иванов, — что он не уверовал в бога, которого сам открыл миру. Он понял дионисийское начало как эстетическое и жизнь — как «эстетический феномен». Но то начало прежде всего — начало религиозное». И, перенося свои рассуждения о Ницше на Россию, Вяч. Иванов добавляет, что в России Дионис как болезненное неправое безумие опасен: ему легко явиться у нас гибельною силою, неистовством только разрушительным [2].

Владимир Соловьев в последнее десятилетие XIX в. отмечал, что в теперешних идейных увлечениях не одна, а три очередные модные идеи: экономический материализм, отвлеченный морализм и демонизм «сверхчеловека». Из этих трех идей, связанных тремя крупными именами (К. Маркс, Л. Толстой и Ф. Ницше), первая обращена на текущее и насущное, вторая захватывает отчасти и завтрашний день, а третья связана с тем, что выступит послезавтра и далее. «Я, — пишет В. С. Соловьев, — считаю ее самой интересной из трех» [6, с. 611].

Всякое заблуждение содержит в себе несомненную истину и есть лишь более или ме-

нее глубокое искажение этой истины. Ею оно держится, ею привлекательно, ею опасно и через нее же только может быть окончательно опровергнуто. В этой связи В. С. Соловьев отмечает, что ставит своей целью не разбирать нищезанство с философской или исторической точки зрения, а лишь применить к нему первое условие истинной критики: показать главный принцип разбираемого умственного явления — насколько это возможно — с хорошей стороны.

Дурная сторона нищезанства бросается в глаза: презрение к слабому и больному человечеству, языческий взгляд на силу и красоту, присвоение себе заранее какого-то исключительного сверхчеловеческого значения... Но в чем же та истина, которую оно сильно и привлекательно для живой души?

Все дело в том, как мы понимаем слово «сверхчеловек». Делаем ли мы акцент на ограниченное и пустое притязание или на глубокое самосознание, открытое для лучших возможностей и предвещающее бесконечную будущность? Для человека естественно желание быть лучше и больше, чем он есть в действительности, для него естественно тяготение к идеалу сверхчеловека. Внутренний рост человека в своем действительном начале не создается историей, и для него не требуется никакой новой сверхчеловеческой формы организма, потому что форма человеческая может беспредельно совершенствоваться и внутренне и наружно, оставаясь при этом тою же: она способна по своему первообразу стать орудием и носителем всего, к чему только можно стремиться, способна стать формой совершенного всеединства или божества. И В. С. Соловьев указывает на один сверхчеловеческий путь, «которым шли, идут и будут идти многие на благо всех» — это путь Христа [6, с. 618].

И если старая традиционная форма сверхчеловеческой идеи заслонила для множества людей сущность самой идеи и привела к ее забвению — к забвению человеком его истинного, высокого назначения, к примирению его с участью прочих тварей, то не следует ли радоваться уже и простому факту, что это малодушное примирение с действительностью приходит к концу, что раздаются, хотя бы и голословные пока, заявления: «Я сверхчеловек», «Мы сверхчеловеки». Такие заявления, сначала возбуждающие досаду, в сущности должны радовать уже

потому, что они открывают возможность интеллектуального разговора, чего никак нельзя сказать о некоторых иных точках зрения.

Николай Александрович Бердяев, характеризуя идеи Ф. Ницше, обращает внимание на то, что неполнота христианского религиозного сознания привела к страданиям нового человека, новым страданиям, неведомым старине. Таким новым страдальческим опытом была жизнь богоискателей, жизнь Ницше, жизнь лучших из революционеров и лучших из декадентов. Кризис гуманистической антропологии завершился в Ницше — величайшем явлении новой истории. Ницше — искупительная жертва за грехи новых времен, жертва гуманистического сознания. После Ницше гуманизм уже невозможен, навеки преодолён. «Заратустра» — величайшая человеческая книга без благодати. То, что выше «Заратустры», было по благодати свыше. «Заратустра» — творение покинутого, предоставленного себе человека. И никогда человек, предоставленный собственным силам, не поднимался выше. Через Ницше новое человечество переходит от безбрежного гуманизма к гуманизму божественному. Ненависть Заратустры к человеку, изобретшему счастье, есть священная ненависть к унижительной лжи гуманизма. Заратустра проповедует творчество, а не счастье, он зовет к подъёму на горы, а не к блаженству на равнине. Он проклял добрых и справедливых за то, что они ненавидят творящих. «Муку Ницше мы должны разделить, — пишет Н. А. Бердяев, — она насквозь религиозна» [1]. Ницше — предтеча новой религиозной антропологии.

Другой русский религиозный философ, Семен Людвигович Франк, писал о том, что в лице Ницше человеческая мысль пришла к отчетливому сознанию несовместимости обмирщенного понятия человека с гуманистическим культом человека. И в этом, по мнению С. Л. Франка, заключается величайшая заслуга Ницше. Несмотря на весь его антирелигиозный пафос, отказ Ницше от поклонения человеку в его эмпирическом, природном — или, как он сам выражался, «человеческом, слишком человеческом» — существе обнаруживает некоторое подлинно религиозное устремление его духа. В его формуле — «человек есть нечто, что должно быть преодолено», подведен итог внутреннему крушению «про-

фанного», по выражению С. Л. Франка, гуманизма и произнесен ему смертный приговор. В этой жуткой формуле содержится смутное прозрение, что человек в его чисто природном существе есть уклонение от некоей высшей идеи человека.

Но эта забытая спасительная истина только смутно представляется Ницше и подвергается в его мысли страшному и жуткому искажению. Так как Ницше остался в плену у антирелигиозной тенденции «профанного» гуманизма, идея сверхчеловека не могла быть обоснована иначе, чем биологически. Правильная, по существу, тенденция напомнить человеку о его высшем происхождении и назначении противостоит естественно оборачивается прославлением человека как животного высшей породы. В мире идей совершается роковое страшное событие: преодоление профанного гуманизма оказывается провозглашением бестиализма.

Оценивая в целом творчество Ф. Ницше, С. Л. Франк называет его мировоззрение «странной и жуткой смесью гениальных духовных прозрений и бредовых моральных заблуждений». Еще совсем недавно это мировоззрение могло казаться каким-то экзотическим цветком уединенной аристократической мысли; и быстро вошедшее в моду ницшеанство, казалось, должно было остаться сравнительно невинной для жизни умственной забавой снобистических кругов. В настоящее же время, отмечает С. Л. Франк, все перепуталось: социал-демократы разговаривают о Боге, занимаются эстетикой, братаются с «мистическими анархистами», теряют веру в материализм и примиряют Маркса с Махом и Ницше [7, с. 108]. Теперь, после того как вульгаризованное ницшеанство легло в основу сначала доктрины германского милитаризма, а затем в противостественном сочетании с демагогией и культом «массы» выродилось в теорию и практику национал-социализма, — теперь культ беспощадной жестокости, ужасы тоталитарной войны, истребления «низших» рас в газовых камерах показали, к чему реально приводит разложение гуманизма и его переход в бестиализм.

Развивая эту мысль С. Л. Франка, Михаил Михайлович Бахтин писал: «То, что фашисты сделали своим философом Ницше, — это, конечно, чепуха, это недоразумение, основанное только на крайнем извращении Ницше» [2].

«Сверхчеловек» у Ницше — не антропологический тип, а художественный образ. Сам он неоднократно пытается возражать Дарвину и тем не менее пользуется Дарвином. Но, по выражению Андрея Белого, пользуется «...случайно подобранной на пути хворостиной, чтобы нанести удар подвернувшемуся под ноги схоластику». Сомнительно видеть сверхчеловека в некоем биологическом образовании, еще сомнительнее — как коллективный образ человечества. Скорее это принцип, слово или норма развития, разрисованная яркими атрибутами личности.

Инстинкту самосохранения Ницше подчиняет логическое мышление; он — философ алогизма. Но он понял невозможность проповеди алогизма в терминах теоретической философии. Вот почему не доказательство, а внушение кладет он в основу своего метода. Вот почему на творчестве, а не на теории основывает он свою систему. Ницше — художник, а его метод изложения, как считал Андрей Белый, имеет форму «телеологического символизма».

Своеобразно подходит к пониманию творчества Ницше Борис Пастернак. «Человек, — пишет он, — реален и истинен, когда он занят делом, когда он ремесленник, крестьянин, или великий, незабываемо великий художник, или же ученый, творчески постигающий истину» [2]. Кое-кто из лидеров социал-демократии, с одной стороны, и Ницше — с другой стремились стать поэтами и композиторами и потерпели неудачу. Тогда они в ярости и отрицании начали потрясать мировые устои. В них нашла крайнее выражение нетворческая часть образованного европейского общества. И отрицание христианства Ницше взято из Евангелия. «Разве он не видит, — вопрошает Б. Пастернак, — из чего творит своего сверхчеловека?» [2]. Таким слепым может быть только полный дилетант, дилетант во всем.

Эту же параллель с Евангелием продолжает и Андрей Белый: «Откройте любое место из «Заратустры»: оно будет ни с чем не сравнимо, но что-то в Евангелии ему откликнется» [2]. Только Христос и Ницше знали всю мощь и величие человека. Оба соединили кровь с вином, тяжесть с легкостью, иго с полетом. Бог умер для Ницше, старый Бог с длинной седой бородой не существует. Старый Бог превратился для Ницше в того ребенка, кото-

рого собирается родить его душа. «Вы — боги», — объявляет нам Ницше и сходит с ума. «Я — бог», — восклицает Кириллов у Достоевского и стреляется.

Лев Шестов, анализируя творчество Ницше, отмечает, что «Рождение трагедии из духа музыки» написано человеком, который много слышал и читал и который думал, что этого достаточно, чтобы все знать. Потом Ницше убедился, что не только на небе, но и на земле есть многое, о чем молчат даже самые умные и ученые книги. Когда Ницше выступил с формулой «по ту сторону добра и зла», в первую минуту мир содрогнулся от ужаса. Ницше разбивает, разрывает, испепеляет и обращает в ничто именно то, чем люди наиболее всего дорожили. Для Ницше молитва, равно как и Тот, к кому обращают молитвы, перестали существовать. Как молиться, когда никто тебя не слышит, как взывать к Богу, когда «знание» принесло нам «всеобщую и необходимую истину». «Что, — говорил Ницше, — Бога убили?» Добро, братская любовь — мы знаем теперь из опыта Ницше — не есть Бог. Ницше открыл путь. Нужно искать того, что выше страдания и выше добра. Нужно искать Бога.

«Признавал ли хоть один философ Бога?» — задает Л. Шестов вопрос. И сам же отвечает: «Повторяю и настаиваю: все философы равно спокойно жертвуют и живым человеком, и живым Богом в убеждении, что если есть наука, то больше ничего и не нужно» [4, с. 368].

Единственным исключением был Ницше. Когда он убедился, что нет Бога, им овладело такое безумное отчаяние, что, несмотря на его исключительное литературное дарование, ему до конца жизни так и не удалось адекватно рассказать, что сделали люди, убившие Бога. Но Ницше не услышали. По-прежнему все думают, что вовсе и не важно, есть ли Бог или нет Его. Достаточно, что Его до сих пор называют, но можно было бы без этого обойтись, можно было бы заменить его такими словами, как *natura*, *substantia* и т. д.

Может быть, если бы Ницше воспитывался на Гегеле, он бы до конца своей жизни не заметил, что гегелевский Бог есть только замаскированное безбожие. Ницше было дано почувствовать, какое преступление совершили люди, обоготворив и создав культ общего понятия (или «идеального»). «Мы только поне-

многу начинаем чувствовать, — отмечал Л. Шестов, — в какую бездну мы провалились. И по мере того, как обнаруживается действительность, растет ужас по поводу совершенного и совершающегося. Ницше сам говорит, что люди до сих пор не дали себе отчета в том, что сделали.

Изучение идей Ницше в начале XX в. во все не исчерпывалось, как мы указали ранее, религиозной дискуссией. Из нее постепенно высветилось и собственно научное гуманитарное течение — феноменологическая филология, генетически связанная с идеями Ницше (но, конечно, не только с ними). Ее представители стали изучать язык в органическом единстве с архетипическими формами сознания. Здесь многообразно (и совсем иным образом, чем, например, в структурализме) применялся бинарный принцип, заложенный в усмотренном Ницше противостоянии Аполлона и Диониса. На конкретно-историческом литературном материале здесь выявлялись и анализировались «нестандартные» принципы объединения бинарных оппозиционных начал в сложноорганизованные и концептуально новые для гуманитарного мышления единства, такие как «мифологическое высказывание» Вяч. Иванова, целостные языковые проявления логики противоречия А. Ф. Лосева, карнавальная «серьезно-смеховая» концепция двухголосого слова М. М. Бахтина.

Как и в религиозной сфере, инициатором этого связанного с идеями Ницше, но вполне оригинального научно-философского течения стал Вячеслав Иванов, написавший в начале 1920-х гг. академическую и аналитическую (в отличие от прежних, метафорических по стилю, статей о Ницше) монографию «Дионис и прадиионисийство». Здесь он прямо указывает

на то, что именно могучий импульс Ницше обратил его к изучению религии Диониса.

В конце XX в. Россия заново открыла Ницше, как и его родина Германия, как вся Европа. Можно даже говорить о своеобразном ренессансе-реабилитации Ницше. Ницше популярен, чего, кстати, нельзя было сказать в то время, когда он был жив. Европейская элита просто его не замечала. Достаточно привести один факт: изданная на средства автора книга «Так говорил Заратустра» тиражом несколько десятков экземпляров не нашла при жизни немецкого мыслителя своего читателя. Несколько экземпляров, которые Ницше отослал тем, кого он считал достойными ее, вряд ли были прочитаны, а если и были, то вряд ли поняты. Речь, напомню, идет о той книге, которая в XX в. многократно переиздавалась как в самой Германии, так и во всех европейских странах, которую, может быть преувеличенно, именovali «Библией нашего времени».

Тень, которую бросил на Ницше фашизм (Фридриха Ницше называли чуть ли не «официальным» идеологом нацизма), оказалась гораздо живучее Третьего Рейха. Лишь через несколько десятилетий стало ясно, что не все так просто во взаимосвязи фашизма и ницшеанства. Любой текст, любое произведение беззащитно в руках потомков. Все дело в том, в какие руки попадает книга. Любой текст беззащитен перед читателем: каждый берет из него свое. Подобное произошло с ницшеанским наследием. Фашизм нашел в нем то, что хотел, то, что видел, то, что ему было нужно.

Но подлинный пафос Ницше в другом. Певец сверхчеловека Заратустра учил не насилию, но самопреодолению. Путь к сверхчеловеку — это не путь самоутверждения за счет слабых, но путь борьбы с единственным и достойным соперником — самим собой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. М., 1989.
2. Гоготишвили Л. «Больше поле битвы, чем человек» / Л. Гоготишвили // НГ-религии. 2000. 23 авг.
3. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. М., 1991.
4. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990.
5. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше. СПб., 2000.
6. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / В. С. Соловьев. М., 1989.
7. Франк С. Л. Сочинения / С. Л. Франк. М., 1990.

Поступила 25.04.07.